



АЛЕКСЕЙ
ГРИШИН

ВТОРАЯ
ДОРОГА



ВЫБОР ОФИЦЕРА
ПУТЬ ОФИЦЕРА
РЕШЕНИЕ ОФИЦЕРА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г85

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Гришин, Алексей
Г85 Вторая дорога: Выбор офицера. Путь офицера. Решение
офицера: сборник / Алексей Гришин. — Москва: Издатель-
ство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 816 с. —
(БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-136673-5

Попаданцами бывают:

- юные девушки — они прекрасны, в них влюбляются императоры;
- спецназовцы, они круты и сами становятся императорами;
- молодые менеджеры, никто здесь, там они — ого-го!

А если в магический мир попадает ветеран контрразведки, никогда не бывавший в боях? Теперь он юный наследник богатого феодала, перед которым открыты все пути. Но так ли богат выбор в бешеном водовороте событий и интриг?

И чем поможет опыт, что предстоит узнать, что преодолеть, а от чего отказаться, чтобы заплатить за право пройти свою вторую дорогу?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136673-5

© Алексей Гришин, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ВЫБОР ОФИЦЕРА



Дело не в дороге, которую мы выбираем;
то, что внутри нас, заставляет нас выбирать
дорогу.

О. Генри

Предисловие

Это произошло чуть больше года назад на традиционной встрече с сослуживцами.

Седые пузатые дядьки под водочку и селедочку вспоминали прожитые годы. Громовой смех и третий гост, дружеские подколки и старые сплетни — все шло как обычно. В этом обществе легко оживают прошедшие приключения, вновь, пусть и на короткое время, чувствуешь себя молодым лейтенантом, который, наконец, дорвался до настоящего дела, не верит в существование непреодолимых преград и готов свернуть горы — только укажите какие.

Когда общий разговор ожидаемо разбился на болтовню нескольких компаний, меня отозвал старый знакомый, с которым мы долгие годы делили один кабинет.

— Леша, а знаешь, как меня недавно разыграли? — спросил он, наполняя рюмки.

Поскольку разыграть этого хитрована на моей памяти не удавалось никому и никогда, естественно, я заинтересовался.

— Ты только представь, три месяца назад мы с женой собрались въезжать в новую квартиру. Точнее, новой она была для нас, мы ее купили у одной одинокой женщины, а свою оставили сыну — тот как раз женился. Перед переездом я, как положено, проверил сантехнику, работу электрики, телефона.

— И что? — признаюсь, мне уже хотелось свернуть разговор, мало ли кто куда въезжает — у нас же налито.

Собеседник понял, предложил выпить за старые времена, а закусив, продолжил:

— Так вот ты представляешь, точно помню, что при выходе я дверь закрывал, и когда через день вошел в квартиру, дверь

была закрыта, но на подоконнике в кухне лежала рукопись на ненашем языке. Я в иностранных ни в зуб копытом, но вот заело — кто и зачем тень на плетень наводит. Слушай, ты на пенсии, один хрен бездельничаешь — посмотри, что это и на фига мне это подбросили. — И он передал сверток размером с очень большую книгу.

Поскольку делать мне действительно было нечего, я согласился, пообещав рассказать о первых результатах недели через три.

Утром, вспомнив разговор, решил посмотреть, что же мне вручили. В свертке оказалось несколько... скорее тетрадей, но каких-то странных, даже фактура бумаги была незнакома. Тетради были исписаны чернилами уверенным твердым почерком, причем по-французски. Только язык какой-то странный, хотя в общем понятный. Примерно так же я в свое время воспринимал белорусский — вроде бы и близко к русскому, и слова знакомые, но чтобы понять — надо постоянно вчитываться, искать аналогии, что с непривычки здорово утомляет.

Возиться с таким текстом было откровенно лень, но поскольку обещал — надо что-то делать. Я позвонил знакомому криминалисту и попросил посмотреть кусок бумаги с надписью и сказать о нем что-нибудь умное. Результат договорились обсудить в пивной, где можно выпить настоящий «Гиннесс».

Через пару недель после получения образца — куса бумаги с текстом, оторванного от последней страницы, криминалист сообщил, что результаты интересные, но говорить о них насухую будет нарушением традиций, потому ждет меня в условленном месте уже сегодня.

В баре после пары общих фраз он перешел к делу.

— Леша, ты где это откопал?

— Ты не поверишь — нашел, а что, это серьезный антиквариат?

— Нет, не надейся. Но штука действительно интересная, — он приложился к кружке, смакуя пиво и, по-моему, издеваясь надо мной. — Значит, слушай. Бумага и чернила сделаны сравнительно недавно, может полгода назад, не дольше.

— Ну и что тут интересного? Тоже мне, великий эксперт Кибрит. Я тебя всегда рад видеть, но чего торопить-то было?

— Леша, ты не дослушал. Сделано все действительно недавно, но по четким средневековым рецептам. Моя оценка — шестнадцатый — семнадцатый век, Европа. И никакой попытки искусственного старения! Ты где такого фальсификатора нашел? Недавно у меня на экспертизе были якобы антикварные бумаги, сделанные группой мошенников, так их два доктора наук консультировали, но все равно идентичности не получилось, а вот искусственное старение — было. А у тебя, если это состарить, точно никто подделки не увидит, гарантирую.

На следующий день я позвонил сослуживцу, чтобы отчитаться о результатах и заодно поинтересоваться продавщицей квартиры — должна же она знать изготовителя этого труда?

Трубку подняла жена и сухим голосом сообщила, что сослуживца я смогу увидеть через два дня на Пехотной улице в шестиграннике. Есть в Москве такое место, где чекисты последний раз встречаются — траурный зал нашего госпиталя.

На поминках рассказал вдове о тетрадах. Она ответила, что ее это не интересует и ими можно распорядиться по моему усмотрению.

От пенсионерского безделья я начал переводить рукопись и незаметно увлекся. Конечно, разумный человек не может воспринимать написанное всерьез. Так, чья-то игра ума. Тем более что даже в переводе рукопись выглядела как набор официальных рапортов и справок, изредка разбавленных размышлениями автора.

Однако в какой-то момент я попробовал представить себя в схожих обстоятельствах. Поступил бы я так же? Вряд ли, но точно знаю людей, которые могли действовать и думать именно так.

Поэтому позволил себе дописать за автора диалоги, смягчить официальный стиль рукописи, привести к нашим единицы измерения, названия месяцев. И предложить вашему вниманию получившийся роман, в котором, конечно, не отразился век, но современный человек изображен довольно верно. Как я надеюсь.

НАЧАЛО

Боль...

Боль который день. Она стала привычной. Жена добра и предупредительна, только не смотрит в глаза. Мы вместе тридцать лет — я не могу не видеть следы слез. Дочки заходят в комнату, что-то увлеченно говорят, я улыбаюсь мудро и доброжелательно. Надеюсь.

Все ясно. Как было ясно папе в той онкологической клинике. Я понял его тогда. Мои близкие, конечно, не глупее. Они тоже знают, что это конец. Только вряд ли они поверят, что страха нет, а есть спокойствие, даже умиротворенность. Это неожиданно — боль и спокойствие одновременно.

Хотя... В самом деле, прожил долго, хотя и не очень. Не свято, но честь офицера спокойна. Олигархом не стал, но жильем жену и детей обеспечил. В общем, не зря приходил в этот мир.

А что — счастье было, горе было, дело... дело тоже было. Серьезное, мужское, на пределе всех сил и способностей, что подарила тебе природа. Мы не рисковали своими жизнями, хотя не раз приходилось посылать на смертельный риск других. Тех, кто не был нам ничем обязан — просто верил нашим словам, верил нашему делу. Ни в меня, ни в моих друзей никогда не стреляли, но почему тогда почти никто из нас не перешагнул шестидесятилетний рубеж? Что же, если такова плата за счастье делать настоящее дело — мы согласны.

Интересно, если бы в тот осенний день, когда молодого ученого пригласили в отдел кадров и интеллигентный мужчина в сером костюме предложил круто поменять судьбу...

если бы тогда он рассказал об этой цене, отказался бы я? Не думаю, скорее сказал бы то же — спасибо.

Тем более что мне как раз и грех жаловаться — шестидесятилетний юбилей был месяц назад, а значит, я все же попал в число счастливичков.

Жаль — ненадолго. Боль... Что-то разорвалось в сердце... Пора?! Господи, прими душу раба твоего! Боже, как же я жизнь люблю!.. Вспышка!!!

ГЛАВА I

Не понял. Откуда вонь? Такого даже в уличных сортирах не бывает. И я все еще жив, а боль ушла. Господи, как хорошо. Хрен с ней с вонью, зато можно поспать... Кажется, лежу на каменном полу — очень мягко и удобно.

Снилась домашняя суета — старшая дочь опять собралась замуж, хотя вроде она еще не разводилась?

Проснулся от бьющего в глаза света. Странно, человек, который однозначно умер, оказывается в мрачной комнате с узким незастекленным окном, более всего похожим на бойницу средневекового замка. Это что — чистилище такое? Или сразу ад?

Пол, стены, низкий сводчатый потолок сложены из крупных, едва обработанных серых камней. Из стен и из потолка торчат какие-то ржавые крючья, скобы, петли. Дверь сколочена из грубо струганных досок, почерневших от времени. Пол с уклоном к центру комнаты и в сторону внешней стены, образует желоб, ведущий к отверстию, куда, видимо, должны стекать экскременты. Ключевое слово — должны, потому что не очень к этому стремятся. Отсюда и вонь до головокружения.

И я за ногу к стене прикован! Мать твою... Я же на этой привязи ни до окна, ни до двери добраться не могу.

Только до огромной деревянной кровати, что стоит напротив окна. Высокой, где-то метр от пола, с колоннами и коробом для балдахина. Правда, самого балдахина нет. Деревянные детали покрыты изящной резьбой, отполированы и покрыты лаком. А вместо матраса — тюфяк, набитый сеном, и запах от него...

И до стола. Монументального, сколоченного из толстых досок. Попробовал поднять — бесполезно, его сюда явно богатыри заносили. И никакой другой мебели.

На столе — миска с чем-то жидким. Проверять содержимое нет ни малейшего желания. Рядом кувшин, явно с вином. Рискнул попробовать — а ничего так, весьма.

А ведь и миска, и кувшин — серебряные! Я, конечно, не эксперт, но похоже, очень похоже.

Ничего себе микс. Гибрид выгребной ямы, музея средневековья и... пожалуй, скотобойни? Иначе зачем этот желоб и крючья?

Может, я спятил? Возможно, причем в буйном варианте. В самом деле, что это за дикость — живого человека на цепь сажать, где права пациента! С другой стороны, сюда никто из правозащитников не торопится. Сюда вообще никто не торопится — я проверял. Звал, матерился — без толку.

Или у меня галлюцинация? Интересная такая галлюцинация, приправленная доносящимися из окна криками на, похоже, французском языке.

И еще это поразительное спокойствие! Жизненный опыт подсказывает, что я должен орать отнюдь не благим матом и, наверное, биться об стену, а не анализом своего бреда заниматься. Понял! Эскулапы этой психушки меня аминазином¹ под макушку закачали, а галоперидола² пожадничали, скряги. Поэтому психоза нет, а бред есть. Красочный такой бред, данный мне в самых разнообразных ощущениях.

Что же, на радость психиатрам продолжим исследование, может, потом кто в диссертации использует. Итак, первый симптом — тело явно не мое. Кожа гладкая, пресс прокачан, щетины на лице не чувствую. Руки и ноги крепкие, суставы не болят.

Далее, на нас длинная рубаха, именно рубаха, из грубой холстины. Ни ремня, ни веревки, ни тем более нижнего белья

¹ *Аминазин* — психотропный препарат, обладающий успокаивающим действием.

² *Галоперидол* — психотропный препарат, обладающий антигаллюциногенным действием.

и носков. И, кажется, я эту рубаху того, этого, не успел поднять вовремя. Воистину тяжек труд санитара.

В общем, вывод один — я жив, ибо *Cogito, ergo sum*¹, как говаривал старина Декарт. Что не может не радовать. Однако где я, что со мной и почему я, собственно, *sum*, понять пока невозможно. А значит, надо держать себя в руках и ждать дополнительной информации. Хотя держать себя в руках в такой ситуации и при таком амбре — задача для упертого йога.

Что же, попробуем ему уподобиться — садимся в позу лотоса и изображаем медитацию. О! Я смог это сделать без труда! Так, энтузиазм ожидания растет. Правда, терпение кончается, но кого это волнует?

Примерно через час, если судить по солнцу, дверь открылась и здоровенный мужик, одетый как средневековый крестьянин на старинных картинах, заменил миску. При этом смотрел на меня как кролик на удава, даже миску оставил на самом краю стола, так что мне до нее едва-едва дотянуться можно. Чем это я бедолагу так напугал, а главное — когда? А ведь его кулаками можно быков валить. Однако все странше и странше.

Ближе к вечеру, когда нетерпение стало перерастать в панику, а голод и жажда напрочь убили брезгливость и обоняние, дверь отворилась. Именно отворилась, медленно и торжественно, а в мое узилище вошел вельможа, лет сорока, похожий на героев пьес Лопе де Вега². Светло-оранжевый, богато украшенный вышивкой короткий дублет³, разрезные рукава, сквозь которые проглядывает белоснежная рубашка, широкий кружевной воротник и кружевные манжеты, темно-коричневые штаны и светлые узкие сапоги, доходящие до колен. Образ придворного вельможи дополняли темно-русые коротко по-

¹ *Cogito, ergo sum* — Мыслю, следовательно существую, — философское утверждение Рене Декарта, фундаментальный элемент западного рационализма Нового времени.

² *Lope de Vega* — испанский драматург, поэт и прозаик, 1562–1635. Наиболее известные в России пьесы — «Учитель танцев», «Собака на сене».

³ *Дублет* — мужская верхняя одежда, распространенная в Западной Европе в XIV–XVII веках. Это был первый образец одежды, который плотно сидел на теле. Первые дублеты были до середины бедра, позже они стали укорачиваться.

стриженные волосы, тонкие усы и едва обозначенная бородка. А взгляд, а осанка — за его спиной чувствовались многие поколения великих предков. Он даже не вошел — вошествовал! И тут же выскочил как ошпаренный, крича и зажимая нос.

Вторая попытка захода была уже осторожной и, видимо, оттого удачной. Вельможа аккуратно закрыл дверь, прикрыл нос платком и внимательно посмотрел на меня. Между нами возникло облачко желтого прозрачного тумана. Ни запаха, ни тепла, ни холода — ничего от него не исходило. Хотя определить здесь запах...

— Здравствуйте, — обратился он. Точнее, его слова возникли у меня в голове, вслух же не было произнесено ни звука. Так, галлюцинации нарастают, срочно нужны санитары! А с другой стороны, любопытно, чем этот глюк кончится — раньше никогда с ума не сходил — какой интересный опыт.

А в голове опять зазвучало:

— Судя по вашему виду, вы впервые столкнулись с мыслеречью. Но вы понимаете меня? Если да — кивните.

Ну что делать — кивнул, жалко что ли.

— Хорошо, тогда продолжим. Если хотите что-то сказать — скажите мысленно или вслух на родном языке — я пойму.

— Не сказать, а спросить. Где я, кто вы и что вообще здесь происходит? Согласитесь — вопросы естественные.

— Разумеется, и я постараюсь на них подробно ответить. Только давайте договоримся, вы выслушаете меня спокойно, по возможности без эмоций и резких движений.

— Отсутствие эмоций гарантировать не могу. Зато насчет резких движений можете не волноваться — на такой цепи только лаять можно. И то осторожно, чтобы не побили.

— О цепи поговорим потом — вначале о главном. Вы сейчас в другом мире, отныне и навсегда.

А вот после этих слов мне стало плохо. Очень плохо. Красивый, однако, выбор между сумасшествием, хорошим таким, уверенным, и тем, что я «услышал».

На автомате подошел к столу и от души приложился к кувшину. Вино вернуло способность думать. Ну, или галлюцинировать — потом разберусь в терминах. В любом случае сейчас нужна информация.